

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-64-91>

УДК 008

ББК 71+83(2)+66.4(2)

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2021 г. Н. Б. Карданова

г. Генуя, Италия

**БОРИС ГОДУНОВ-ДИПЛОМАТ:
ГРАМОТА ЦАРЯ БОРИСА ФЕДОРОВИЧА
ТОСКАНСКОМУ ГЕРЦОГУ ФЕРДИНАНДО I
В КОНТЕКСТЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ
РУССКИХ ЦАРЕЙ**

Аннотация: Сложная фигура Бориса Годунова, получившая неоднозначные оценки современников и потомков, по сей день привлекает внимание исследователей. В статье мы попытаемся ответить на вопрос, каким предстает Борис Годунов в дипломатической переписке на материале его грамоты от 6 июня 1601 г., написанной в ответ Тосканскому герцогу Фердинандо Медичи. Ходатайство герцога об оказании содействия одному его подданному, тосканскому купцу, желавшему торговать в России, было справедливо воспринято в Москве как предложение установить не только торговые, но и дипломатические отношения между двумя государствами. Отсюда — коммуникативная задача ответного послания Годунова: убедить адресата в готовности к таким отношениям; она и определила структуру его грамоты и подбор речевых средств. Как показывает проведенный нами анализ, царь Борис Федорович предстает как правитель, унаследовавший трон Рюриковичей, но осознающий особенность своего положения, поддерживающий высокий авторитет царской власти и Московского государства, любезный и вежливый с иностранным адресатом и говорящий с ним на языке, за которым стоит система этических и идеологических установок и социальных отношений Московской Руси.

Ключевые слова: Борис Годунов, великий герцог Тосканы, дипломатическое послание.

Информация об авторе: Наталия Борисовна Карданова — доктор филологических наук, доцент, Генуэзский университет, площадь св. Сабины, д. 2, 16124 г. Генуя, Италия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2280-6000>. E-mail: natasha.kardanova@gmail.com

Дата получения статьи: 18.08.2020

Дата публикации: 28.09.2021

Для цитирования: Карданова Н. Б. Борис Годунов-дипломат: грамота царя Бориса Федоровича Тосканскому герцогу Фердинандо I в контексте дипломатической переписки русских царей // Вестник славянских культур. 2021. Т. 61. С. 64–91. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-64-91>

Личность и политика Бориса Федоровича Годунова (1552–1605) получила далеко не однозначную оценку и современников, и потомков. Представитель провинциального русского рода, выдвинувшегося в опричнину, придворный при царе Иване Грозном (1530–1584), фактический правитель России при сыне Грозного — Федоре Ивановиче (1557–1598) и, наконец, первый русский царь, избранный Земским собором (1598) после того, как прекратилась династия Рюриковичей, был обвинен в убийстве (о расследовании дела об убийстве царевича см.: [10; 11]) малолетнего наследника престола — царевича Дмитрия Ивановича (1582–1591) в Угличе (1591): «Царь же Борис благолепием цветуще и образом своим множество людей превозшед, возрасту посредство имея; муж зело чуден, в разсужении ума доволен и сладкоречив велми, благоверен и нищелюбив и строителен зело, о державе своей много попечение имея и многое дивное о себе творяше. Едино же имея неисправление и от Бога отлучение: ко врачем сердечное прилежание и ко властолюбию несытное желание; и на прежебывших ему царей ко убиению имея дерзновение, от сего же возмездие восприят» [26, с. 620–621] — писал участник¹ событий того времени, лично знавший Годунова и признававший его государственный ум.

Эта оценка Бориса Годунова (современники сходились в его виновности [37, с. 16]), данная в контексте борьбы за власть на фоне переживаемой национальной катастрофы в Смутное время и последующего выхода из нее (характерно название повести, возникшей в Смуту в правление Шуйского, при котором Годунов был официально объявлен убийцей царевича Дмитрия, а сам царевич был канонизирован [7, с. 234–235], — «Повесть како отомсти всевидящее око Христос Борису Годунову пролитие не повинные крови новаго своего страсготерпца благовернаго царевича Дмитрея Угличьскаго» [7, с. 241–254] и ее последующей редакции «Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов...» [25, с. 145–176]), сохранилась и после его смерти и способствовала созданию, с одной стороны, образа умного и сильного правителя, с другой стороны, узурпатора власти, трагически поплатившегося за свое преступление. Гениальные сочинения А. С. Пушкина и М. П. Мусоргского способствовали тому, что с именем Годунова ассоциируется прежде всего проблема отношения сильной личности к власти и возникающий этический и психологический конфликт, усиленный сложными историческими обстоятельствами, причем ассоциации эти принадлежат уже мировой литературе и культуре.

Историками была внимательно исследована как внутренняя, так и внешняя политика Годунова [10; 33]. Последняя оценивалась по-разному, очевидно, что Годунов занимает особенное место в диалоге Московского государства с европейскими государствами [34] и, шире, культурами, предстает как потенциальный реформатор русской культуры, предвестник будущих изменений в ней: он думал об основании университета в России и первым из московских государей попытался отправить русских подданных учиться за границу [5, с. 88–89].

В частности, Годунов пытался развивать экономические отношения с различными странами Запада, ограничив монополию англичан. Это совпало с интересами флорентийских купцов, как отмечала историк И. С. Шаркова [38, с. 4–748], реконструировавшая историю выхода на рынок Московского государства «флорентинского

¹ Вопрос об авторстве цитируемого текста — так называемой «Летописной книги Катыврева-Ростовского» — является открытым: атрибуция его князю И. М. Катывреву-Ростовскому (?–1641), принятая ранее, была оспорена исследователями [8; 18], в настоящий момент принято считать автором текста С. И. Шаховского (?–1654/1655).

торгового дома Луссио (Люсов — в русских источниках), имевшего свои конторы в Нидерландах и Англии» [38, с. 34] сначала через посредника, Николаса ван Брейсегема, представляющего интересы дома и получившего жалованную грамоту [38, с. 34²], затем напрямую. Сын главы дома, Сиона Луссио, Аврам, прибывший в Москву в марте 1602 г. с ходатайством от Тосканского герцога о разрешении торговли, получил положительный ответ [38, с. 49–50]³ и вернулся во Флоренцию с письменным ответом Бориса Годунова⁴.

Это единственная грамота царя Бориса Федоровича в Тоскану: правление Годунова было прервано его внезапной смертью в 1605 г., установлению царской династии, которая носила бы его фамилию, помешала Смута — Московское государство пережило правление самозванных претендентов на престол; людьми первого, Лжедмитрия (?–1606), был убит сын Бориса Годунова, будущий наследник Федор Борисович (1589–1605), упоминаемый в грамоте в Тоскану. Как известно, восстановление русской государственности связывается с именем царя Михаила Федоровича, первого из дома Романовых (1596–1645), а ее укрепление — с именем его сына, царя Алексея Михайловича (1629–1676). Последний был заинтересован в установлении торговых отношений с Флоренцией⁵, куда дважды ездили российские послы, оставившие свои отчеты⁶. При Петре I в Москве вел свои торговые дела флорентийский купец Франческо Гваскони (по мнению ряда исследователей — Е. Ф. Шмурло [41, с. XVIII], И. С. Шарковой [38, с. 84] и М. Ди Сальво [45, р. 141], он был тайным осведомителем Венецианской республики, анализ его писем подтверждает, что Гваскони, по меньшей мере, передавал в Венецию сведения, интересовавшие Республику [14]. Позднее во Флоренцию были отправлены учиться живописи Иван и Роман Никитины: Петр в своей грамоте от 18 января 1716 г. (хранится во Флорентийском государственном архиве [Archivio di Stato di Firenze, Miscellanea Medicea, filza 1032, № 60], опубликована [28, с. 48]) ходатайствовал перед великим герцогом Тосканским Козимо III Медичи о занятиях во Флорентийской художественной академии.

² Исследователь ссылается здесь на «Опись Посольского приказа» [21, с. 192] и на работу Б. Н. Флори [35, с. 140].

³ У Н. Н. Бантыша-Каменского находим: «1602 г. марта флорентинской князь Фердинандо прислал в Москву посланника своего Аврама Люса с объявлением российскому государю Борису Годунову услуг, усердия и желания своего знать, что нужно для него от России? (Не видно, какой на сие предложение состоял ответ)» [4, с. 245].

⁴ Материал переговоров Аврама Луссио отложился в российских архивных фондах (РГАДА. Ф. 88. Оп. 1. N. 4). Опубликована грамота царя Бориса Федоровича Тосканскому герцогу Фердинандо I (1549–1609) от 6 июня 1602 г. [19, с. 141–142], ответ герцога царю с благодарностью от 12 мая 1603 г. из Пизы (итальянский оригинал [36, с. 214], [19, с. 142–144]), ходатайство герцога к дьяку А. И. Власьеву от 12 мая 1603 г. (итальянский оригинал [36, с. 213–214; 19, с. 144–145]), ходатайство Луссио перед тосканским герцогом [19, с. 146].

⁵ В свою очередь, о возможностях торговли шла речь и при переговорах с другим итальянским государством — Венецией, которая, будучи заинтересованной прежде всего в военном союзнничестве с Россией, отправила к царю своего посланника [44]. Об отношениях России и Венеции при Петре на рубеже XVII–XVIII вв. см.: [17].

⁶ См. «Список с ставейнаго списка послов Ивана Желябужскаго и дьяка Ивана Давыдова бытности их во Флоренции для уверения взаимной между ими и Государем дружбы и с известием о дозволении флорентинцам и венецианам свободной торговли в Архангельске и в Москве, а также и для разведания, почему от них не посылаются послы в Россию. 1662–1663 г.» [23, т. X, стб. 671–808], а также «Статейный список посланников Василия Лихачева и дьяка Ивана Фомина бытности их во Флоренции с благодарением за учиненное бывшим в Венеции российским посланникам Чемоданову и Посникову вспоможение и с объявлением о соизволении Государя даровать флорентинцам торговые листы. 1658–1660» [23, т. X, стб. 509–670].

Грамота царя Бориса Федоровича в Тоскану Фердинандо I (1549–1609) от 6 июня 1602 г. (в приложении к настоящей статье печатается по оригиналу, хранящемуся во Флорентийском государственном архиве г. Флоренции [Archivio di Stato di Firenze, Miscellanea Medicea, fasc. 102, ins. 9, № 1], опубликована [19, с. 141–142]), в отличие от дипломатических посланий Ивана Грозного [27] и Петра I [13], не подвергалась филологическому анализу. Попытаемся определить специфику царского дипломатического текста европейскому государю накануне Смутного времени (структура, речевые средства, дипломатический и речевой этикет, палеографические характеристики) и установить, можно ли говорить о преемственности русской дипломатической письменности. С этой целью грамота Годунова будет сопоставлена с грамотой царя Алексея Михайловича от 23 ноября 1655 г. (Archivio di Stato di Venezia, Collegio. Lettere principi. F. 13, N 2], опубликована [23, т. X, стб. 918–925; 12, с. 858–861]), адресованной в светское итальянское государство (Венецию) и наиболее близкой к грамоте Годунова по времени, по содержанию и жанровой принадлежности (сообщение о приеме посланника), а также коммуникативной направленности (готовность установить торговые отношения). Как известно, всякое царское послание внешнеполитическому адресату создавалось от лица царя, по его мысли и с его одобрения не им самим, а хорошо подготовленными сотрудниками тогдашнего внешнеполитического ведомства⁷. Тексты такого рода в то же время, как правило, несут отпечаток личности автора, выступающего в роли дипломата и пишущего по правилам действующего этикета, который в известной мере зависит от воли того же автора. Попытаемся ответить на вопрос, каким предстает правитель Московского государства Борис Годунов в своем послании Тосканскому герцогу и каков этикет этого послания, наконец, каков Годунов-придворный и Годунов-царь в роли дипломата (для этого нами привлекается дипломатическая переписка царя Федора Ивановича и Годунова с эрцгерцогом Австрийским Максимилианом).

При царе Федоре Ивановиче дипломатическая деятельность вписывалась в круг государственных дел Годунова, поскольку, по свидетельству российских современников, государь полностью отрешился от земных забот: «Царь Феодор возрастом (ростом. — *Н. К.*) мал бе, образ посничества нося, смирением обложен, о душевней вещи попечение имея, на молитве всегда предстоя и нищим требующая подавая; о мирских же ни о чем попечение имея, токмо о душевном спасении» [21, с. 708]. С. Бестужев-Рюмин указывал на то, что иностранцы интерпретировали поведение царя по-другому, таковы впечатления польского посла Льва Сапеги об аудиенции у царя, описанные им в письме к папскому нунцию: «Великий князь росту малого, голос его тих и медлен, ума у него, по словам одних, мало, а, по словам других и по моему собственному внимательному наблюдению, почти совсем нет. Сидя, он смотрел на скипетр и державу и постоянно улыбался» [5, с. 50], см. оригинальный латинский текст [1, с. 3].

По свидетельству Бельского, бежавшего в Польшу в разгар Ливонской войны (как пишет флорентийский посланник при польском дворе Филиппо Тальдуччи, этот 22-летний молодой человек, отправленный Иваном Грозным вместе с войском в Смоленск [19, с. 127], «довольно красноречив, двоюродный брат тому Бельскому, что в большой милости у великого князя Московии, служит при дворе с 12 лет» [19, с. 127–128]), Иван Грозный «не любит старшего сына и часто бьет его палкой, тогда как младший (будущий царь Федор Иванович. — *Н. К.*), можно сказать, не совсем в себе» («dice che

⁷ Правила подготовки царских дипломатических посланий в иностранные государства подробно описаны Григорием Котошихиным [16, с. 45–46], служившим подьячим в Посольском приказе при царе Алексее Михайловиче, более ранними свидетельствами такого рода мы не располагаем.

non ama il figliuol maggiore e che spesso lo batte col bastone e che il minore è, si può dire, mezzo matto» [19, с. 129]).

После того как влиятельнейший дьяк Андрей Щелкалов (?–1598), ведавший Посольским приказом, при Годунове был подвергнут опале в 1594 г., место занял его брат, Василий Щелкалов (?–1611) [33] (в «Борисе Годунове» А. С. Пушкина именно он сообщает народу, ждущему согласия Годунова занять трон, решение Думы и призывает, разойдясь по домам, молиться о воцарении Годунова; он же говорит Годунову о подготовке военной защиты от Лжедмитрия и задает вопрос о том, как можно защититься от посеянных им мятежных настроений), влияние Годунова усилилось. Позднее Василия Щелкалова сменил А. И. Власьев (? – ок. 1610), при котором и состоялся приезд в Россию Аврама Луссио.

Историки обращали внимание на то, что Годунов стремился дать понять иностранным правителям, что занимает особенное положение при царе. В частности, получив титул слуги за оборону столицы от крымского хана Казы-Гирея, он дал в 1592 г. следующий наказ царскому посланнику Афанасию Дмитриевичу Резанову, отправлявшемуся к польскому королю Сигизмунду III: «А почто Афонасия учнут спрашивать паны Рада или пристава про Бориса Федоровича, почему ныне пишется слугою, что то слово именуется. И Офонасию говорити: то имя честнее всех бояр. А дается то имя от государя за многие службы. И преж сего при великого государя нашего прадеда, при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче, которого дочь была за великим князем Александром литовским, был слуга князь Семен Иванович Ряполовский, а дано ему то имя было за многие службы. А после его при деде государя нашего, при великом государе и великом князе Василие Ивановиче всеа Руси, был слугою князь Иван Михайлович Воротынской, а дано ему то имя было потому ж за многие службы. А при отце государя нашего, блаженной памяти при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Руси был слугою князь Михайло Васильевич Воротынской. А дано ему то имя за многие службы, самим вам чаю то ведомо. А ныне царское величество пожаловал тем именем почтить шурина своего, конюшево боярина и воеводу дворового и наместника казанского и астраханского Бориса Федоровича Годунова, так же за многие его службы и землестроенья, и за летошний царев приход» [3, с. 77–78].

Комментируя этот наказ, Р. Г. Скрынников писал: «В самом деле, титул слуги, связанный с традициями удельного времени, ценился выше, чем все прочие титулы. До Бориса его носили лишь очень немногие лица, принадлежавшие к высшей удельно-княжеской аристо-кратии. Последними слугами в XVI в. были великородные Воротынские. Впервые со времени образования Русского государства один человек стал обладателем двух высших титулов — конюшего боярина и царского слуги. Но торжество Бориса не было полным, пока подле него оставался могущественный канцлер Андрей Щелкалов» [33, с. 87], тогда как А. А. Зимин отмечал, что содержание наказа никак не соответствовало реалиям России того времени: «В наказе А. Д. Резанову 1592 г. говорится неверно, будто ранг “слуги” выше чина боярина (так было только в конце XV – начале XVI в.) и будто этот титул дается за заслуги (он был связан с княжеским происхождением и наличием вотчины — княжения). Положение Бориса Годунова ничем не напоминало статус этих князей, не игравших существенной роли в политической жизни России конца XVI в. После пожалования Бориса титулом “слуги” термин “служилые князья” вообще исчезает из оборота. Именование Бориса “слугой” часто встречается в дипломатических и других источниках» [10, с. 132].

Р. Г. Скрынниковым был выявлен и титул «правитель»: «Падение канцлера (дьяка Андрея Щелкалова. — *Н. К.*) окончательно сконцентрировало все нити управления в руках Годунова, поспешившего присвоить себе новые чины. К 1595 г. официальный титул Бориса приобрел следующий вид: «царский шурин и правитель, слуга и конюший боярин и дворовый воевода и содержатель великих государств — царства Казанского и Астраханского». В традиционной московской иерархии чин правителя отсутствовал из-за несовместимости с официальной доктриной самодержавной власти московских государей. Даже знаменитый Алексей Адашев, пользовавшийся громадным влиянием при молодом Грозном, никогда не помышлял о нем. Годунов мог торжествовать неслыханную победу. Ни один москвитин никогда не носил до него такого множества громких и звучных титулов. Смысл их был понятен всем. Годунов объявил себя единоличным правителем государства. Сам царь находился у него в полном послушании [33, с. 88].

На наш взгляд, важно отметить, что в цитируемом Р. Г. Скрынниковым документе — материале переговоров дьяка Василия Щелкалова, ведавшего Посольским приказом, с гонцом от персидского хана Аббаса I — подчеркнута значимость и царя Федора Ивановича, и «такого ж» Бориса Федоровича Годунова («И дьяк Василей Щелкалов говорил: великий государь наш, царь и великий князь Федор Иванович всея Руси самодержец, Бог его, государя, сотворил дородна, и храбра, и сщастлива; а по его государеву милосердию, Бог ему государю дал таковаж дородна и разумна шюрина и правителя, слугу и конюшого, боярина и дворового воеводу и содержателя великих государств царства Казанского и Астороханского Бориса Федоровича» [22, с. 296]), подчеркнута и роль Годунова — посредника в дипломатических делах: «И радение его о том великое, чтоб меж великого государя нашего, царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси самодержца и меж шах Аббаса дружба и любовь утвердилась. А твои все речи донесу до царьского величества шюрина до Бориса Федоровича, а Борис Федорович то донесет до царьского величества, о том тебе и указ учинит» [22, с. 296–297].

Примечательно, что Борис Годунов еще до своего вступления на престол вел переписку с иностранными государями одновременно с царем Федором Ивановичем. Последний отдал распоряжение, чтобы в Посольском приказе грамоты от лица Годунова различным иностранным правителям составлялись вместе с царскими грамотами, в 1589 г. в ответ на вопрос Годунова, имеет ли он право ответить на грамоту императора Священной Римской Империи и его брата, эрцгерцога Австрийского Максимилиана, — «о том, как Государь укажет, писать ли к ним против их писма грамоты» [23, т. I, стб. 1174]: «И Государь, Царь и Великий Князь Федор Иванович всея Руси, приговорил с бояры, что к Цесарю Римскому и к брату его, Максимилиану Арцыкнязю Аустрейскому, от конюшого и боярина, от Бориса Федоровича Годунова, грамоты писати пригоже ныне, и вперед то его Царскому имени к чести и к прибавленью, что его государев конюшей и боярин ближней, Борис Федорович Годунов, ссылатись учнет с Великими Государи; да и к иным ко всем Государем, которые учнут к Борису Федоровичю грамоту писать, к Ишпанскому Королю, и ко Францовскому Королю, и ко фрацовскому Королю, и к Аглинской Елисавете королевне, и к Восточным Государем к Кизылбашскому, и к Бухарскому, и к Крымскому Казы-Гирею Царю, приговорил Государь с бояры против их грамот от конюшого и боярина Бориса Федоровича Годунова писати грамоты в посольском приказе со всеми с теми Великими Государи конюшого и боярина, Бориса Федоровича Годунова, ссылки и в книги писати с государевыми грамотами» [23, т. I, стб. 1174–1175].

По всей вероятности, грамоты от лица Годунова оформлялись в Посольском приказе с одобрения их официального автора, которому, следует полагать, было по силам как осмысление сложных дипломатических реалий, так и риторика дипломатического послания, подобно тому, как царские грамоты писались набело с одобрения того, кто был объявлен автором в тексте послания — самого государя.

Современники писали, что управление государством было передано Годунову («вся держава Российскаго государства порученна бысть ему» [26, с. 563]), отличившемуся на этом поприще («образом своим и дела множество людей превозшед» [26, с. 563], в том числе и благодаря его родственной близости («единокровным союзом царю близочен» [26, с. 563]) к царю Федору Ивановичу — последний был женат на сестре Годунова, Ирине (исследователи выявили, что в некоторых царских грамотах — по-видимому, внутрirosсийских — вместе с царем упоминалась, хотя это не было принято, и царица Ирина: «Се яз царь и великий князь Федор Иоаннович всея Руси со своею царицею и великою княгинею Ириною..» [15], причем не только сразу после смерти царевича Дмитрия, в 1591–92 гг. [15], но и до этого, в 1587 г. [10], справедливо делая вывод о том, что Годунов стремился укрепить положение сестры как возможной наследницы престола [15, с. 44], поскольку обычно вместе с именем царя упоминалось имя наследника.

Однако ключевую роль в выдвижении Годунова сыграли скорее его исключительные личные качества, выделявшие его среди других царских сановников и признанные современниками («не меншею честью пред царем от людей почтен» [26, с. 563]: ум, владение словом, затем — нравственные качества («никто бе ему от царских синклит подобен во благолепие лица его и в разсуждение ума его; милостив и благочестив, паче во многом разсуждении доволен, и велеречив зело» [26, с. 563]), все, что дало возможность Годунову проявить себя как талантливого правителя («и в царствующем граде многое дивное о себе творяше во дни власти своя» [26, с. 563]). Образованность, ум, добропорядочность и особенный дар обращения со словом отличали и сына Годунова, Федора Борисовича, приученного к книгам отцом: «Царевич Федор <...> научен же бе от отца своего книжному почитанию, и во ответех дивен и сладкоречив велми; пустошное же и гнило слово никогда же изо уст его исхождаше; о вере же и поучении книжном со усердием прилежа» [26, с. 621]. Его дочь, царевна Ксения, также была не только скромна, целомудренна и благочестива, но и образованна — и также владела искусством слова: «Царевна же Ксения <...> во всех женах благочинниша и писанию книжному навична, многим цветяше благоречием, во-истинну во всех своих делех чредима; гласы воспеваемыя любляше и песни духовныя любезне желаше» [26, с. 621]. Как видим, и Бориса Годунова, и его детей отличало особенное отношение к речи: Годунов — «велеречив зело», его сын — «сладкоречив» («и во ответех дивен и сладкоречив велми; пустошное же и гнило слово никогда же изо уст его исхождаше»), для его дочери характерно «благоречие» («многим цветяше благоречием»), для сравнения скажем, что Иван Грозный был лаконично охарактеризован как «многогочив зело» («муж чюдного разсужения, в науке книжного поучения доволен и многогочив зело, ко ополчению дерзостен и за свое отечество стоятелен» [26, с. 620]).

В своей грамоте 1597 г. к иностранному правителю — эрцгерцогу Австрийскому Максимилиану Годунов предстает в первую очередь как родственник царя — «царского величества шурина» (именно так, «царского величества шурина Борис Федорович», он называет себя в тексте грамоты [23, т. II, стб. 615]), затем — как «слуга и конюшей, боярин и воевода дворовой, и содержатель великих государств, царства Казанского и Астараханского Борис Федорович Годунов» [23, т. II, стб. 614].

Годунов здесь назван по имени («Борис»), отчеству на -ич («Федорович») и родовой фамилии («Годунов»), что в русской антропонимической системе того времени [20, с. 92; 29, с. 127] указывало на высокий социальный и в данном случае дипломатический статус автора, в отличие от другой формы, на -ов/-ев/-ин, которая просто называла имя отца, в том числе и весьма знатного, имевшего титул (последний давался в притяжательной форме) и часто употреблялась в сочетании с существительным «сын». К примеру, во время аудиенции посла Императора Священной Римской империи в 1597 г. среди других знатных лиц сидевшие «в лавках» [23, т. II, стб. 486] у царя Федора Ивановича бояре Шуйские и, в частности, будущий царь Василий Шуйский, представлены как «князь Василей да князь Дмитрий Иванович Шуйские» [23, т. II, стб. 486], тогда как представители рода Годунова, среди дворян «по лавкам» [23, т. II, стб. 487] названы при помощи формы на -ов, к примеру, «Матвей Михайлов сын Годунов [23, т. II, стб. 488]. Таким образом, в самоименовании трехчленная антропонимическая формула с отчеством на -ич предполагала уважение со стороны адресата не меньше, чем перечисленные затем титулы Годунова.

Представившись иностранному адресату как «Царского Величества шурин, слуга и конюшей боярин и воевода дворовой и содержатель Великих Государств царства Казанского и Астараханского Борис Федорович Годунов», Годунов в то же время почтительно приветствует его как нижестоящий, на что указывает форма «Вашему Пресветлейшеству челом бьет» [23, т. II, стб. 614], в данном контексте означающая «почтительно приветствует».

Грамота Годунова [23, т. II, стб. 613–618] к эрцгерцогу Максимилиану повторяет сказанное в грамоте царя [23, т. II, стб. 609–613]: готовность к антиосманскому союзу (для чего императору Священной Римской империи Рудольфу следовало бы прислать послов к царю) и благоволительное отношение к желанию эрцгерцога занять польский и литовский престол. Вместе с тем Годунов пишет, что будет содействовать эрцгерцогу как в первом деле («А аз, Царского Величества шурин Борис Федорович, о том с радением промышляю и вперед промышляти хочу и Великого Государя своего, Царя и Великого Князя, Федора Ивановича, всеа Руси Самодержца, на то навожу, чтоб Великому Государю нашему, Царю и Великому Князю, Федору Ивановичу, всеа Руси Самодержцу и Вашего Пресветлейшества брату Цесарскому Величеству, укрепяся меж себя в братцкой любви и в соединенье и в докончанье, стояти обще на всех своих недругов за один и быти в братцкой любви и в докончанье на веки неподвижно» [23, т. II, стб. 615–616]), так и во втором («и аз как преж сего о делех Вашего Пресветлейшества радел и промышлял, то и вам самим ведомо, так и вперед о том сердечным желаньем радети и помышляти хочу. И Великому Государю, Царю и Великому Князю Федору Ивановичу, всеа Руси Самодержцу, бил челом и на то его, Государя своего, наводил, чтоб Царское Величество в том тебя своею Царскою любовью не оставил; и Великий Государь наш, царь и Великий князь Федор Иванович, всеа Руси самодержец, на то подвижен, в таких ваших делех промышляти хочет и своею царскою любовью не оставит. <...> А аз о том о великом деле как преж того радел, так и вперед о том радети хочу, чтоб Твоему Пресветлейшеству, с Божьей помощью, Быти на Коруне Полской и на Великом Княжстве Литовском государем» [23, т. II, стб. 615–617]. В ответ в своей грамоте царь Федор Иванович подтвердил, что ему ведомы переговоры его боярина, Бориса Федоровича Годунова, с иностранным посланником: «а о которых делех нашего Царского Величества шурина, слуге и конюшему боярину и дворовому воеводе и содержателю великих государств царства Казанского и Астараханского Борису Федоровичю Годунову объявил от тебя человек твой Лукаш — и до нашего царского величества

шурин наш Борис Федорович Годунов те все дела доносил, и нашему Царскому Величеству те дела ведомы» [23, т. II, стб. 610].

Данные грамоты Годунова и царя Федора Ивановича составлены таким образом, что Годунов, подчеркивающий, что печется перед «своим государем» о делах эрцгерцога, предстает посредником в диалоге царя с иностранным адресатом (как с эрцгерцогом, так и с самим императором Священной Римской империи Рудольфом), заинтересованным во благе обоих и потому заслуживающим доверия. Таким способом Годунов стремится добиться расположения австрийского эрцгерцога, сделав его, в свою очередь, своим посредником, и тем самым получить доверие самого императора Рудольфа. Кроме того, таким образом подтверждается серьезность намерений царя Федора Ивановича, равно как и необходимость действий (отправление послов в Россию) со стороны императора.

Составители оригинальных русских дипломатических текстов (их перевод на иностранные языки выходит за рамки нашего исследования) сообразовывались с представлениями о том, какому речевому и эпистолярному этикету должен соответствовать текст, и тем самым, основываясь на собственном опыте и интуиции, создавали этот этикет, — разумеется, с Высочайшего одобрения. Реконструировать его нормы чрезвычайно затруднительно. Следует предположить, что, помимо известных особенностей исторического развития допетровской России — страна находилась вне иерархических отношений европейских государств, сама устанавливала иерархию европейских правителей и статус русского царя, подразумевая его как высочайший, и сама определяла свой дипломатический этикет и церемониал⁸ [2, с. 6–7], — специфику царского дипломатического этикета определяли стоящие за ним мировоззренческие установки: они представлялись универсальной нормой, не нуждавшейся в коррекции в тех случаях, когда царский текст адресовался иностранному адресату. Именно поэтому вопрос о соответствии царского этикета этикету европейского адресата не вставал перед составителями царских посланий.

Представления о статусе автора царского дипломатического послания — русского царя — воплотились в художественном оформлении посылаемой адресату царской грамоты: ее текст предстал перед иностранным правителем на дорогой александрийской бумаге; выписанный над ним золотом специальный узор («травы») включал царскую корону, что свидетельствовало о могуществе автора послания. Не будет преувеличением сказать, что дипломатический статус адресата во многом определял формат царского послания и правила его оформления — полноту царского титула, размер листа, на котором написана грамота, количество золотой краски.

Грамота царя Бориса Тосканскому герцогу, как и другие царские послания, написана на александрийской бумаге, полууставом, чернилами черного цвета; золотом выписаны титулы царя. Узор представляет собой слово «Божию», предшествующее в инвокации слову «милостию». Золотом выписан титул царя, включая слово «самодержца» («Божию милостию от великого государя, царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси самодержца»; отметим, что в рассмотренной выше грамоте царя Федора Ивановича 1597 г. к эрцгерцогу Австрийскому Максимилиану золотом выписано только первое слово инвокации, «Троице» [23, т. II, стб. 609]). Написание царского титула и выбор орнамента — им оформлена только верхняя часть листа — позволяет предположить, что Тосканскому герцогу в представлении составителей грамоты следо-

⁸ О русском дипломатическом ритуале во взаимоотношении с европейским (от царя Алексея Михайловича до Петра I) см. [46], об особенностях дипломатического языка [30; 31].

вало писать так же, как — напишет позднее Котошихин — и «Х курфирстром, и х князем, и к графом, и к Галанским статом пишетьца» [16, с. 58].

Графическое оформление текста грамоты определили особенности русского синтаксиса того времени: он не разделен на предложения, использование некоторых знаков препинания не позволяет вычленил ни простое, ни сложное предложение как коммуникативную единицу; преобладает сочинительная связь, что будет характерно и для грамоты царя Алексея Михайловича 1655 г., описывающей прием венецианского посланника Альберто Вимины — отметим, что в итальянском переводе [Archivio di Stato di Venezia, F. 13, N 1], опубликован [12, с. 862–865]) эта особенность скорректирована: синтаксис приближен к нормам письменного итальянского языка за счет использования подчинительной связи [12, с. 834–838]) — и сохранится в дипломатической переписке вплоть до Петра I.

Формуляр царской грамоты, помимо основного текста, включает начальный протокол (обозначение автора грамоты — инвокация и интитуляция: основной титул правителя государства и титулы, связанные с территориальными владениями; называние адресата); финальный протокол — место и время написания грамоты. При царе Алексее Михайловиче на смену называнию адресата придет специальное начальное приветствие — «наше царского величества любительное поздравленье» (грамота в Венецию от 23 ноября 1655 [Archivio di Stato di Venezia, Collegio. Lettere principi. F. 13, № 2], а также возникнет пожелание благополучия адресату в финале грамоты (грамота от 27 апреля 1668 г. [Archivio di Stato di Venezia, Collegio. Lettere principi. F. 13, № 5], опубликована [23, т. IV, стб. 716–720]). В единоличное правление под грамотами Петра I появится его личная подпись, которой предшествует специальное его обозначение как «приятеля» адресата [24, 9: N. 3287].

В грамоте Годунова инвокация дана в краткой форме: «Божию милостию» (здесь и далее текст грамоты цитируется по оригиналу [Archivio di Stato di Firenze, Miscellanea Medicea, fasc. 102, ins. 9, № 1]) определено его место на троне, столь же кратко, как ранее, в бытность Годунова при царе Федоре Ивановиче, «Бога, в Троице славимого, милостию» [23, т. II, стб. 613], ему предназначалось место у царского трона (отметим, что тогда упоминание Троицы связывало краткую инвокацию Годунова с полной инвокацией царя Федора Ивановича: «Троице Пресущественная, и Пребожественная ...» [23, т. II, стб. 609]). Именно такая, лаконичная инвокация «Божьею милостью» была принята в грамотах отца Ивана Грозного, Василия III (к примеру, в его грамоте к императору Священной Римской империи [23, т. I, стб. 316]); в дальнейшем эта инвокация будет использоваться в грамотах царя Алексея Михайловича (наряду, в специальных случаях, с развернутой инвокацией, к примеру, в грамоте от 27 апреля 1668 г.: «Бога Всемогущаго и во всех всяческая действующаго, вездесущаго и вся исполняющаго и утешения благая всем человеком дарующаго, Содетеля нашего, в Троице славимого, силою и действием и хотением и благоволением утвердившаго нас и укрепляющаго властью Своею всесилою избранный скифетр в православии во осмотрение великого Росийского царствя и со многими покаряющимися прибылыми государствы дедичного наследства и обладателства мирно и безмятежно держати и соблюдать на веки, и сие благодарствие по всюду известуя» [Archivio di Stato di Venezia, Collegio. Lettere principi. F. 13, № 5; 23, т. IV, стб. 716]) и будет преобладать в грамотах Петра I. Отметим, что пространная инвокация появилась в свое время в грамотах Ивана Грозного, который «весьма усложнил традиционный титул своих предков <...>, вставив в него (вместо простого “Божьей милостью”) перечисление атрибутов божества (заимствованное, по мнению И. Н. Жданова <...>) из Дионисия Ареопагита» [27, с. 617].

Так, в грамоте в Венецию «к венецейскому князю» 1582 г.⁹: «Троице пресущественная и пребожественная, и преблагая, праве верующим в Тя истинным хрестьяном Дателю премудрости, преневедомый и пресветлый, крайний верх, направи нас на истинну твою и научи нас на повеления твоя, да возглаголем о людех твоих по воле твоей. Сего убо Бога нашего в Троицы славимаго милостию и хотением и благоволением удержажом скифетр Российскаго царствия [23, т. X, стб. 363–364].

Инвокация Ивана Грозного была унаследована и сохранена царем Федором Ивановичем (в грамоте к эрцгерцогу Максимилиану от 1597 г.: «Троице Пресущественная, и Пребожественная, и Преблагая праве верующим в тя истинным хрестьяном, Дателю премудрости, Пренедоведомый, Пресветлый, Крайний Верх, направи нас на истинну Твою и настави нас на повеленья Твоя, да возглаголем о людех твоих по волей Твоей! Сего убо Бога нашего, в Троице славимаго милостию, хотеньем и благоволеньем удержажом скифетр Российскаго царствия» [23, т. II, стб. 609]), когда фактически власть принадлежала Годунову, в чьих грамотах, как было сказано выше, использовалась краткая инвокация.

В грамоте в Тоскану Бориса Годунова-царя названы его имя и отчество («Борис Федорович»), родовая фамилия не приведена (как того требует традиция царской переписки, предшествующая и последующая). Интитуляция¹⁰ воспроизводит интитуляцию

⁹ Мы не рассматриваем инвокацию в грамоте от 8 августа 1580 г. [Archivio di Stato di Venezia, Collegio. Lettere principi. N 12.], посланной в Венецию с царским гонцом Истомой Шевригиным (в подлинности этого документа, вслед за П. О. Пирлингом, сомневался и профессор Е. Ф. Шмурло, опубликовавший грамоту [39, с. 144–148]).

¹⁰ Изначальный титул правителя Московского княжества Великий князь сначала расширился до «Великого князя всея Руси» «по образцу титула митрополита (“митрополит всея Руси”) после того, как столица метрополии была перенесена из Киева в Москву. Следующим этапом было принятие Московским князем в середине XIV века титула “государь”, имевшего значение “хозяин” в частном праве и “суверен, правитель” в общественном, причем первое сильно влияло на второе. Иван III расширил этот титул до “государь всея Руси” на печатях и монетах (Здесь и далее перевод статьи М. Шефтеля с фр. наш. — *Н. К.*)» [47, р. 728].

С. К. Богоявленский подробно охарактеризовал такую важную часть титула русского царя, как «перечисление тех важнейших земель, которых сюзереном считал себя московский государь. По мере того, как расширялись границы, увеличивалось число перечисляемых владений: Новгородский, Казанский, Астраханский и т. д. Эти несомненные [титулы] московского государя не встречали возражения и повторялись в грамотах иностранных государей. Но в титул вводились и притязания, еще не реализованные, и это встречало отпор, в частности выражения «всея Руси самодержец» и государь «лифляндский». Так как значительная часть Руси находилась под властью Польско-Литовского государства, то оттуда последовал ряд возражений. Нуждаясь в русской помощи против турок, польский государь Александр в 1500 г. впервые написал в грамоте: «государю всея Руси». Но когда дружеские отношения нарушились, опять возникли споры о титуле и продолжились еще в XVII в.

Грозный пытался вставить в свой титул слова «Государь отчинные земли Лифляндские немецкого чину» тогда, когда Прибалтика была уже поделена между Польшей и Швецией, но державы такое прибавление к титулу не признавали, а Федор Иванович сам отказался от титула государя Лифляндского. Потом в русских грамотах повторился титул «Лифляндский», но без упоминания об исконном владении, и только при царе Алексее упоминания о Лифляндии нет. Однако в иностранных грамотах в царском титуле никогда не упоминалось о притязании на Лифляндию.

В связи с завоеванием у Польши значительной части старых русских земель в 1655 г. царь Алексей Михайлович вставил в титул новые земли: «великий князь литовский и Белой России, смоленский, волынский, подольский, полоцкий, витебский, мстиславский». Это встретило сопротивление со стороны цесаря, который ссылаясь, что это титул короля польского. Гонец подьячий Григорий Богданов грамоты не взял. Завоевание Киева нашло отражение еще раньше закрепления этого города за Москвой, и эта приписка повторена в грамоте Леопольда 1661 г.

В 1654 г. в июле в титуле [появились слова] «всея Великие и Малые России самодержец», [с] 4 октября [того же года в титуле стали использовать слова] «Белые России» временами... При [неполной]

царя Федора Ивановича — «от великого государя, царя и великого князя Бориса Федоровича, всеа Русии самодержца Владимирского¹¹, Московского, Новгородского, царя Казанского, царя Астараханского, царя Сибирского, государя Псковскаго и великого князя Смоленскаго, Тверскаго, Югорского Пермьского, Вятского, Болгарского и иных государя и великого князя Нова города, Низовские земли, Черниговского, Резанского, Полотцкаго, Ростовского, Ярославского, Белоозерского, Лифлянского, Удорского, Обдорского, Кондинского и всея северные страны, повелителя и государя Иверские земли, грузинских царей и Кабардинские земли, черкаских и горских князей и иных многих государств». В грамоте царя Алексея Михайловича 1655 г. находим титулы, представленные в грамоте Годунова, слово «Русия» заменено на «Велекая Росия», основной титул включает новые земли («Малая и Белая Росия») [Archivio di Stato di Venezia, Collegio. Lettere principi. F. 13, № 2].

Следует сказать, что титул «самодержца¹² всеа Русии», вошедший в царскую интитуляцию Ивана Грозного, в грамоте этого царя в Венецию 1582 г. мы не находим («Мы, В. Г-рь, Царь и В. князь Иван Васильевич, всеа Русии, Владимирский, Московский, Ноугородцкий, Царь Казанский и царь Астараханский, государь Псковский и В. князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермьский, Вятцкий, Болгарский и иных, государь и В. Князь Новагорода Низовские земли, Черниговский, Резанский, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Лифлянский, Удорский, Обдорский, Кондинский и всея Сибирские земли и Северные страны Повелитель и иных многих земель Государь [23, т. X, стб. 363–364], он появляется в грамотах царя Федора Ивановича (к примеру, в грамоте Австрийскому эрцгерцогу 1597 г. «мы, великий государь, царь и великий князь Федор Иванович, всеа Русии Самодержец, Владимирский, Московский, Новгородский, царь Казанский, царь Астараханский, государь Псковский и великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятцкий, Болгарский и иных, государь и великий князь Новагорода Низовские земли, Черниговский, Резанский, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Лифлянский, Удорский, Обдорский, Кондинский и всея Сибирские земли и северные страны Повелитель, и государь Иверские земли грузинских царей и кабардинские земли черкаских и горских князей и иных многих государств государь и обладатель» [23, т. II, стб. 609–610]), что позволяет предположить, что этот титул вошел в царскую интитуляцию в грамотах к иностранным правителям, когда фактически власть в государстве принадлежала Годунову.

Три различных именованя автора грамоты в основном ее тексте позволяют сосредоточить внимание на том или ином аспекте роли Годунова-правителя: перепрописке титула грамот не брали.

Цесарские министры открыто говорили, что новый титул дает право на притязания при мирных переговорах как признание цесаря» [6, с. 384].

¹¹ Титул Московский будет даваться на первом месте (затем — Киевский, Владимирский, Новгородский и т. д.) в грамотах в Венецию царя Алексея Михайловича.

¹² «Чтобы заявить о своей полной независимости, Иван Третий принял титул “самодержец” (это русский перевод греческого “autokrator”), когда он перестал выплачивать дань татарам» [47, р. 728–729]. М. Шефтель подчеркивал, что этот титул означал независимость Московского князя в области международных отношений прежде всего от татарского хана [47, р. 729]. Кроме того, «идентичность этого титула титулу византийских императоров придавала ему духовную суверенность, заявляя о церковной независимости Московии от Византии» [47, р. 729]. Однако, как ни стремилась русская церковь и образованная элита Московии сообщить этому титулу все то содержание, которое было присуще ему в Византии, включая абсолютную власть и независимость во внутреннем управлении страной, «до Петра Первого эта интерпретация не могла укорениться: она существовала теоретически, но на практике сосуществовала с теми ограничениями, которые накладывала на нее власть автократии» [47, р. 729].

вая — «мы, великий государь, царь и великий князь, Борис Федорович, всеа Русии самодержец»¹³ — официальное именование правителя, вступающего в дипломатические отношения с Тосканским герцогом; вторая — «великий государь»¹⁴ — указывает на важную роль русского царя в отношениях с иностранными государствами; третья — «наше царское величество»¹⁵ — краткое обозначение его роли в Московском государстве. Таким образом, царь Борис Федорович предстает и как правитель своей страны, и как важный участник международного дипломатического диалога.

Называя адресата, царь Борис Федорович пишет не только его имя («Фердинанту»), но и фамилию правящей династии («Медице»), и даже пытается воспроизвести его отчество («Олександровичу» — не совсем понятно, почему: отцом герцога был Козимо I). Последнее не было принято в царской переписке — очевидно стремление автора послания выразить уважение к адресату.

Как и в посланиях у других царей, за именем иностранного правителя следует его титул «арцуху Тусканскому и Флоретинскому», в данном случае обозначенный при помощи заимствованной из немецкого лексемы «арцух» в принятой в России огласовке, т. е. соответствующий самоименованию адресата (итальянское «arciduca»). В свою очередь, в тексте грамоты русский царь использует исконно русскую лексему «князь» + личное имя правителя Флоренции («Фердинант»), обращаясь к нему на «ты»: «учинили тебя, Фердинанта, князя, с собою в ссылке и любви» и т. д. Это позволило сохранить обращение, органичное для русского этикета (и не только дипломатического). Личное местоимение «ты» используется в грамоте, как правило, в том же предложении, что и приведенная выше формула, но перед ней («И тебя в том похваляем, что ты, Фердинант, князь, в нашем царском величестве ищешь любви») или за ней («хотим к тебе, Фердинанту, князю, любовь свою показать и в ссылке с тобою быти хотим»).

«Вы» вежливое находим при пересказе грамоты герцога, т. е. в передаче его речи и в настоящем времени («вы во всякое время подвижны»), и в будущем («что будет вам возможно»), а также в указании на то, что приводимая информация известна адресату («И то вам и самим ведомо»). Сосуществование форм «ты» и «вы», отражающее развитие русского речевого этикета¹⁶, выявляется и в грамоте царя Алексея Михайловича [12, с. 846].

В финальном протоколе грамоты Бориса Годунова названы место и время написания послания. Обозначение места включает указание на двор, столицу и государ-

¹³ Представлена в сообщении о прибытии Тосканского купца к царю, о приглашении его на царскую аудиенцию, при пересказе грамоты герцога, в заявлении о готовности царя к развитию дипломатических отношений с Тосканой и в сообщении о том, что многие иностранные государи обращаются к Московскому царю, ища его дружбы. Отметим, что приглашение купца на аудиенцию и готовность развивать дипломатические отношения и следующее из этого разрешение на торговлю указаны от лица не только настоящего, но и будущего правителя России — дважды в грамоте упоминается имя сына Годунова — наследника, представленного как «нашего царского величества сын, великий государь, царевич, князь Федор Борисович всеа Русии». Для сравнения: в грамоте царя Алексея Михайловича имя его наследника («сына нашего царского величества, благоверного царевича и великаго князя Алексея Алексеевича всеа Великия, и Малыя, и Белья Росии») появляется в сообщении царя о его победе над польской армией».

¹⁴ Использована при передаче речи тосканского купца, вручившего царю ходатайство герцога о разрешении ему торговать, и в сообщении о том, с кем именно все иностранные правители намерены искать добрых отношений.

¹⁵ Во всех остальных случаях.

¹⁶ Об использовании местоимений второго лица в обращении в русском языке XVI–XVII вв. см. работы итальянского лингвиста Р. Бенаккьо [42; 43].

ство — «в государства нашего дворе в царствующем граде Москве», т. е. три компонента, присутствующие в грамоте Ивана Грозного («Писан в государства нашего дворе града Москвы» [23, т. X, стб. 363]), к которым добавлено определение «царствующий» («град»), появившееся в грамотах царя Федора Ивановича, где упоминались государство и столица, но не двор («Писана в великом Государствии нашем в Царствующем граде Москве» [23, т. II, стб. 613]; находившийся при царе Годунов, вслед за царем, в то время включал в финальный протокол своей грамоты только эти два элемента, указывая, разумеется, что государство находится во власти царя («Писана в Великого Государя нашего Государстве, Царствующем граде Москве» [23, т. II, стб. 618]). Время указано от сотворения мира, без отсчета года правления, т. е. воспроизведена формула, которая использовалась в грамотах Годунова при царе Федоре Ивановиче, и будет использоваться в грамотах царя Алексея Михайловича (ср. указание на год правления в грамоте Федора Ивановича «Писана в великом Государствии нашем в Царствующем граде Москве лета от создания мира 7105, июля месяца, индикта 10-го, господарствия и государства нашего 14-го» [23, т. II, стб. 613], как и ранее в дипломатических посланиях Ивана Грозного, где указывалось также время, прошедшее с момента присоединения новых территорий: «Писан в государства нашего дворе града Москвы, лета от создания миру 7090-го, Марта месяца, индикта 10-го, государства нашего 48-го, а царств наших — Росийскаго — 36-го, Казанского — 30-го, Астороханского — 28-го» [23, т. X, стб. 363–364]).

Следует полагать, что ходатайство Тосканского герцогу об оказании содействия его подданному — купцу и его семье было справедливо воспринято в Москве как предложение установить не только торговые, но и дипломатические отношения между двумя государствами. Этим и обусловлена коммуникативная задача ответного послания Годунова — убедить адресата в этой готовности; она и определила структуру его грамоты и подбор речевых средств. Адресату рассказывается о прибытии тосканского купца в Москву с прошением от герцога Тосканы, о приглашении его от лица царя и его наследника на царскую аудиенцию, о том, что грамота герцога была выслушана царем, после чего кратко излагается ее суть: герцог, полагаясь на милость царя, ходатайствовал об установлении торговых отношений между Московским государством и Тосканским герцогством. Затем излагается речь, с которой купец обратился к царю; следует положительный ответ от лица и царя, и наследника на оба ходатайства, сначала — герцогу, затем — купцу. Завершает грамоту заявление царя о готовности развивать дипломатические отношения с Тосканой с указанием на высочайший дипломатический статус русского монарха: правители христианских и мусульманских государств обращаются к нему с ходатайством об установлении и поддержании дипломатических отношений.

Прием тосканского купца, лично заинтересованного в открытии торговли в Москве, описан в грамоте царя Бориса Федоровича при помощи тех же речевых средств, что используются в дипломатической переписке для описания приема дипломатического представителя другой страны: проезд купца — «Присылал еси к нам <...> человека своего Аврамалюса з грамотою»; приглашение купца на аудиенцию к царю — «человеку твоему Аврамулюсу велели наши царские пресветлые очи видети»; распоряжение царя принять грамоту у него и зачитать ее вслух — «и, грамоту твою приняв милостиво, выслушали». Для сравнения: в грамоте царя Федора Ивановича к эрцгерцогу Австрийскому 1597 г. («Присылал еси к нашему к царскому величеству свою грамоту с человеком своим Лукашом Павлусовым; и мы грамоту твою у человека твоего у Лукаша велели принять и ее выслушали любително» [23, т. II, стб. 610], в грамоте

царя Алексея Михайловича 1655 г. к венецианскому дожу («присылали к нам <...> вы <...> подданного своего Албертуса Вимина с своею грамотою. И мы <...> подданного вашего Албертуса Вимина велели принять <...> и вашему подданному Албертусу Вимину велели быть у нас, великого государя, и наши царского величества очи видети вскоре») [Archivio di Stato di Venezia, Collegio. Lettere principî. F. 13, № 2].

Зависимость тосканского подданого от правителя (он не приехал сам, а был послан герцогом) в грамоте Годунова отражает как старомосковские представления автора грамоты о взаимоотношениях власти и подданных (благодаря чему, в частности, возникает уважительный диалог правителя Московского государства с правителем Тосканы), так и то, каким видит этот визит русский царь: тосканский купец выступает в грамоте в роли дипломатического посланника, и автор царской грамоты фиксирует факт получения иностранного послания и сообщает герцогу о своей заинтересованности и любезном отношении.

Рассказывая об обращении тосканцев к царю с ходатайством, составители грамоты использовали риторичность, свойственную русской челобитной, где подчеркивается зависимость просителя от адресата, в грамоте Годунова таким образом подтверждается высокий статус царя, от которого зависит Тосканский герцог. Одновременно дается любезный царский ответ на ходатайство. Так, использование лексем «прошение» и «челобитье» подчеркивает, насколько важен («с великим прошением и челобитьем») для тосканского герцога положительный ответ царя, который любезно дается («прошение ваше приятно учинити»): торговать тосканским купцам в России разрешается из уважения к ходатайству герцога («для вашего челобитья»). Лексемы «милость»/«милостиво» и «пожаловати» представляют действия царя как высочайшую милость, о которой в своих ходатайствах просят и герцог («и нашему б царскому величеству пожаловати прошение ваше приятно учинити»), и купец («чтоб нам великому государю пожаловати отца их и их»), на которую надеется герцог («во всем естя положили на нашу царскую милость»), и которая обоим дарована. Царская милость проявляется и в выслушивании ходатайства («грамоту <...> милостиво выслушали»), и в его выполнении («Сиона Люса и детей его <...> пожаловали, <...> торговати им»). В описании действий царя лексема «велеть» означает и приказ («грамоту велели им дати»), и разрешение прибыть на аудиенцию с соответствующим распоряжением («велели наши царские пресветлые очи видети»; ср. аналогичное у царя Алексея Михайловича: «велели быть у нас <...> и наши царского величества очи видети вскоре» [Archivio di Stato di Venezia, Collegio. Lettere principî. F. 13, № 2]), и разрешение на торговлю, которому предшествует лексема «пожаловали» («Сиона Люса <...> пожаловали <...> велели им приезжат в наши государства»). Лексема «поволити» обозначает разрешение на въезд страну («поволити им приезжати в наши государства») и на торговлю («торговати им поволити»). Таким образом, лексемы «велети», «пожаловати» и «поволити» характеризуют действия, свидетельствующие о готовности автора взаимодействовать с адресатом грамоты.

О разрешении торговать сообщается при помощи речевых средств деловой письменности: обозначены въезд в страну с товарами («приезжат в наши государства со всякими товары»), указан транспорт и порт прибытия (таким образом — маршрут: «на караблех к морской пристани к Архангилскому городу»), конечный пункт — столица, где должна вестись торговля («и в государстве наше на Москву»), а также беспрепятственная торговля без ограничения вида и количества товаров («и торговати им поволити всякими товары поволною торговлею»). Затем пересказывается жалованная грамота, подтверждающая это решение: упоминается беспрепятственный («поволною безо

всякого задержанья и зацепки»: отметим, что клише, включающее лексему «зацепка», находим еще в грамоте Василия III польскому королю — «тем твоим послом <...> к нам приехати и от нас отъехати доброволно, безо всякие зацепки» [23, т. I, стб. 242–243]) въезд в страну через Архангельский порт и в столицу («приезжати в наши великие государства к Архангилской пристани и к Москве») и выезд из страны («назад отезжати») со всем имеющимся («со всеми их людьми и животы»). Тенденция использовать лексические средства, описывающие действия торговцев, таких, как привоз товаров («со всякими товары ездит»), торговля («торговат всякими товары»), обмен ими («меняют товары на товары»), выплата пошлины («с тех товаров платит пошлину»), сохраняется в грамоте царя Алексея Михайловича: постоянное ведение торговли предполагается, но не называется прямо. Специальные клише («купечество имети морем и сухим путем», «торговли имети» и «торговли отправлять»), свидетельствующие о следующем этапе формирования специальной лексики деловой письменности, появятся позже, в грамоте Петра I в Венецию от 7 декабря 1710 г., содержащей разрешение венецианским купцам торговать «в новозавоеванных провинциях при Балтийском море» [Archivio di Stato di Venezia, Collegio. Lettere principi. F. 13, N 55], напечатана [40, с. 55; 24, с. 427–428].

О готовности развивать дипломатические отношения с Тосканой в грамоте Годунова заявлено дважды в сообщении о получении ходатайства («И мы великий государь, царь и великий князь Борис Федоровичь, всеа Русии самодержц, и нашего царского величества сын, великий государь, царевич, князь Федор Борисовичь всеа Русии с тобою, с Фердинантом, князем, в любви и в ссылке быти хотим. И тебя в том похволяем, что ты, Фердинант, князь, в нашем царском величестве ищеш любви») и о его выполнении («хотим к тебе, Фердинанту, князю, любов свою показать и в ссылке с тобою быти хотим»), причем в обоих случаях — при помощи клише, содержащих лексемы «любовь» (специальное дипломатическое значение которой разъясняется контекстом: «любов показать», «быти в любви») и «ссылка» (в значении «дипломатическая переписка»: «быти в ссылке»). Отметим, что эти же лексемы характеризуют («приняти в любов» и «быти в ссылке и в дружбе») стремление других иностранных правителей к добрым отношениям с Россией («И то вам и самим ведомо, что к нам, к великому государю царю и великому князю Борису Федоровичю, всеа Русии самодержцу, присылают все великие государи христьянские и мусулманские с великим прошением и с челобитием, чтоб мы великий государь приняли их к себе в любов и были с ними в ссылке и в дружбе»). Последние два клише будут использованы в грамоте царя Алексея Михайловича 1655 г. в Венецию в ответ на поздравления с победами над Польшей и на пожелания царю здоровья и благополучного правления и в описании намерения царя поддерживать дипломатические отношения; также появится специальное пожелание адресату «желать всякого добра»: «И мы, великий государь, наше царское величество, что вы поздравляете нас, великого государя, и желаете нашему царскому величеству беспрестанного счастливого пребывания на наших оружиях и нашему ж добрепохвалному царскому величеству многих счастливых лет, то от вас принимаем в великую любов; и впред мы, великий государь, наше царское величество, хотим быти с вами в доброй дружбе и в ссылке и желаем вам всякого добра» [Archivio di Stato di Venezia, Collegio. Lettere principi. F. 13, № 2].

Стремление Тосканского герцога установить дипломатические отношения с Россией (клише «искать любви») встречает царское согласие, выраженное в форме похвалы («И тебя в том похволяем»), как то подобает автору царской грамоты.

Ответ Тосканского герцога, написанный через год, 12 мая 1603 г., свидетельствует о том, что коммуникативные задачи, стоявшие перед составителями царской грамоты, были выполнены. Выразив «сердечную благодарность за любезный и милостивейший ответ, которые дали Вы мне Вашим письмом [здесь и далее перевод с итал. наш. — Н. К.]» («rendo a vostra Imperial Maestà affettuosissime gratie della cortese humanissima risposta ch'ella mi ha data con la lettera sua» [19, с. 143]), герцог поблагодарил царя Федора Борисовича и наследника престола Федора Борисовича за выполнение своего ходатайства за «привилегию, которую по моей просьбе Вы предоставили господину Луссио и его сыновьям, Абраму, Исаку и Маттиасу, заключающуюся в праве прибывать на своих кораблях, груженных самым разным товаром, во все государства Вашего Величества и прежде всего в порт Московии и Капель Архангельска, буду чрезвычайно признателен, если эта привилегия не только сохранена, но и милостью Вашего Величества еще и расширена будет» («del Privilegio, che a mia istanza ella ha fatto a Sion Lussio et a i suoi figliuoli, Abraam, Isac et Mattias, di poter venire con le lor navi cariche d'ogni sorte di robe in tutti li stati della Maestà vostra et particolarmente nel Porto di Moscovia, et di castell' Arcangiolo, et mi sarà carissimo, che detto Privilegio sia non solo conservato ma anche dalla cortese amorevolezza di Vostra Maestà ogni di più ampliato» [19, с. 144]). Ответ герцога свидетельствует о заинтересованности в развитии торговых отношений с Россией: «особенной в своем роде благодатью является для меня Ваша милость и дружба Ваша, а также светлейшего Федора Борисовича, государя всея Руси, и прошу Ваше Величество сохранить это дружеское расположение и, прежде всего, свободное и безопасное передвижение моих подданных и народа Тосканы по всем городам и портам государства и владения Вашего Величества» («singularissima gratia mi è stata quella del suo favore et della sua Amicitia et così del sermo Fedro Borissovizo signore di tutta la Russia et prego Vostra Maestà a mantenermela, et in specie per il traffico libero e sicuro dei miei vassali, et Populi di Toscana in tutti i luoghi e Porti dello Imperio et Dominio di Vostra Maestà» [19, с. 143]), а также о готовности к развитию отношений дипломатических: герцог уверял царя Бориса Федоровича и наследника Федора Борисовича в том, что он и его сын Козимо (1591–1621, будущий правитель Тосканы Козимо II) в своих «владениях на суше и на море готовы к оказанию любых услуг, угодных Вашему Величеству и государю Федору Борисовичу» («e se di qua possiamo ne' luoghi de nostri Domini di Terra e di Mare far loro comodo et servitio Vostra Maestà et il sig^{re} Fedro Borisoviso ci hanno sempre alla libera a comandare» [там же, с. 143–144]). Помимо грамоты, из Флоренции были посланы подарки — «святая вода, чудесным образом исходящая из тела св. Николая и лечащая все, можно сказать, болезни» («una aqua santa che miracolosamente esce del corpo di S. Nicolao et è efficacissimo remedio quasi contra ogni malattia» [19, с. 144]) и «коробочка с особенным порошком, что излечивает чуму» («una scatola di certa polvere, appropriatissimo remedio contra la peste» [19, с. 144]) в ответ на посланную из Москвы связку соболей, воспринятую в Тоскане как «прекраснейший дар» («bellissimo dono» [19, с. 144]). Прислано было и новое ходатайство герцога — к дьяку А. И. Власьеву, ведавшему Посольским приказом, о том, чтобы торговый дом Луссио имел исключительное право «посылать своего человека в Астрахань готовить икру и оттуда вывозить ее в Италию и, прежде всего, в Тоскану» [19, с. 145] — Аврам Луссио в своем ходатайстве перед Тосканским герцогом просил предоставить ему монополию на 10 лет на вывоз икры из России, обещая исправно платить пошлину и не торговать в других итальянских государствах [19, с. 146]. Примечательно, что Тоскана пыталась продолжать отношения с Россией и после смерти Годунова — осенью 1605 г. тосканский гер-

цог отправил своего посла на свадьбу польского короля Сигизмунда III и Констанции Австрийской. Посол передал письмо герцога Юрию Мнишку и от лица герцога просил повлиять на Лжедмитрия I и способствовать тому, чтобы тосканские купцы получили свои привилегии, а упоминаемый выше Николас ван Брейсегем «присутствовал на свадьбе Самозванца с Мариной Мнишек и преподнес им в подарок «чепь золота да кубок серебрян золочен» [38, с. 51]. Тем не менее торговля компании Луссио прекращается в 1606 г., когда «были проданы принадлежавшие ей в Архангельске дом и торговый склад» [38, с. 53].

Как видим, в грамоте Бориса Годунова герцог Тосканы предстает как смиренный проситель, русский царь — как вежливый правитель, любезно ему отвечающий и удовлетворяющий его ходатайство. Такое соотношение ролей, выраженное соответствующими речевыми средствами, полностью соответствует принятым в России нормам дипломатического эпистолярного этикета, регулирующего роли автора и адресата в коммуникативной ситуации: автор царской грамоты должен предстать — и предстает — как вышестоящий по отношению к адресату. К этому обязывает статус царя Московского государства: как представляется, принятие этого титула Иваном Грозным в значительной мере определило последующий дипломатический этикет царского послания. В то же время на внешнеполитические послания первого русского царя, по всей вероятности, наложила отпечаток и его личность: именно в посланиях Грозного в инвокации акцентировалось высочайшее предназначение автора царской грамоты, чего нет в грамотах Годунова и последующих русских правителей (за исключением особенных дипломатических случаев). В свою очередь, указание на год правления в финальном протоколе, представленное у Грозного, которое мы не выявили в грамотах Годунова и царя Алексея Михайловича, появится в посланиях царей Ивана и Петра Алексеевичей и сохранится у Петра.

Есть все основания предположить, что традиция составления царской грамоты иностранному адресату была сохранена сотрудниками Посольского приказа, пережившими Смуту. Если архивы погибли при пожаре, то люди, работавшие с архивными бумагами и знавшие, как следовало составлять царские грамоты и оформлять их, сумели передать свои знания и умения следующему поколению сотрудников Посольского приказа: грамоты царя Алексея Михайловича в другое итальянское государство — Венецианскую республику — оформлены аналогичным образом (палеография, структура, речевые средства).

Имеющиеся в нашем распоряжении грамоты Бориса Годунова к иностранным властителям свидетельствуют о том, что еще до вступления на престол он хорошо владел риторикой дипломатического послания и искусством дипломатии. Выступая одновременно в двух ролях — формальной (лицо, приближенное к царю Федору Ивановичу, принимающему внешнеполитические решения) и фактической (лицо, оказывающее по меньшей мере значительное влияние на эти решения, а по большей — их подлинный автор), Борис Федорович Годунов умело балансировал между ними, утверждая перед иностранным адресатом право на престол и самодержавную власть царя Федора Ивановича, при котором он правил. Об этом свидетельствует и протокол дипломатического послания в посланиях царя Федора Ивановича и приближенного к нему Годунова.

Взойдя на престол, Годунов выступил в роли правителя уже не только по сути, но и по форме, начав дипломатический диалог как правитель Московского государства. Избранный Земским собором, Годунов по праву унаследовал от сына Ивана Грозного царскую интитуляцию дипломатических грамот, куда слово «самодержец»

вошло в эпоху его фактического, неофициального правления, как и характеристика Москвы как «царствующего» града в финальном протоколе. В свою очередь, Годунов-царь сохранил в своих дипломатических грамотах краткость инвокации и финальный протокол, начинавшие и завершавшие его письма еще в те времена, когда он не был официальным правителем России, осознавал свое положение при троне царя, избранного Провидением, не мог отсчитывать годы своего правления на престоле и указывал в своих посланиях только календарную дату «от сотворения мира», не считая нужным соотносить (в отличие от представителей династии Рюриковичей и, позднее, Романовых) время своего правления с ходом времени (и истории) в целом.

Как представляется, Годунов был «строителен зело» [26, с. 620], не только создавая новые города, но и выстраивая отношения России с иностранными государствами и тем самым «о державе своей много попечение имея» [26, с. 620]. Как говорилось выше, палеографическое оформление и протокол его грамоты в Тоскану выдержаны в том же стиле, что и грамоты его предшественников на московском троне. В грамоте Тосканскому герцогу царь Борис Федорович предстает как правитель, унаследовавший трон Рюриковичей и осознающий особенность своего положения, поддерживающий высокий авторитет царской власти и Московского государства, готовый установить отношения с Тосканским герцогством, любезный и вежливый («в разсужении ума доволен и сладкоречив велми» [26, с. 620]) с иностранным адресатом и говорящий с ним на языке, за которым стоит система этических и идеологических установок и социальных отношений Московской Руси.

Приложение

<Грамота царя Бориса Федоровича Тосканскому герцогу Медичи от 6 июня 1601 г.>

При публикации применяются правила ТОДРЛ, разработанные для серии монографических исследований и изданий памятников древнерусской литературы [9, с. 491–499]. В текстах царских грамот-ходатайств все титла раскрыты, все выносные буквы введены в строку, рудиментарные *ъ* и *ь* на конце слов не воспроизведены, буква *ї* заменена буквой *и*, *ω* — буквой *о*, *ѣ* — буквой *е*, *х* — буквами *кс*, *А* — буквой *я*. Пунктуация современная. Сохранена авторская орфография.

Божиею милостию от великого государя, царя и великого князя Бориса Федоровича, всеа Руси самодержца, Владимирского, Московского, Новгородского, царя Казанского, царя Астараханского, царя Сибирского, государя Псковскаго и великого князя Смоленскаго, Тверскаго, Югорского Пермьского, Вятского, Болгарского и иных государя и великого князя Нова города, Низовские земли, Черниговского, Резанского, Полотцакаго, Ростовского, Ярославского, Белоозерского, Лифлянского, Удорского, Обдорского, Кондинского и всея северные страны, повелителя и государя Иверские земли, грузинских царей и кабардинские земли, черкасских и горских князей и иных многих государств государя и обладателя Фердинанту Олександровичу Медице, арцуху Тусканскому и Флоретинскому. Присылал еси к нам, к великому государю, к царю и великому князю Борису Федоровичю, всеа Руси самодержцу, человека своего Аврамлюса з грамотою. И мы великий государь, царь и великий князь Борис Федорович, всеа Руси самодержец, и нашего царского величества сын, великий государь царевич князь Федор Борисович всеа Руси, человеку твоему Аврамлюсу велели наши царские пресветлые очи видети и, грамоту твою приняв милостиво, выслушали. И в грамоте

своей к нам, к великому государю, царю и великому князю Борису Федоровичу, всеа Русии самодержцу, писал еси с великим прошением и челобитьем, чтобы наше царское величество учинили тебя Фердинанта, князя, с собою в ссылке и любви, и вы во всякое время подвижны нашему царскому величеству своею дружбою воздават, что будет вам возможно нашего царского величества к годности учинит, а о чем нашему царскому величеству человек ваш Аврам учнет бити челом, и нашему б царскому величеству пожаловати прошение ваше приятно учинити. И во всем естя положили на нашу царскую милость. И человек ваш, Аврамлюс нашему царскому величеству от тебя бил челом, чтоб нам великому государю для твоего челобития пожаловати отца их Сиона и их, Аврама, и Исака, и Матвея, поволити им приезжати в наши государства и со всякими товары на караблех и торговати поволоною торговлею. И мы великий государь, царь и великий князь Борис Федоровичь, всеа Русии самодержц, и нашего царского величества сын, великий государь, царевич, князь Федор Борисовичь всеа Русии с тобою, с Фердинантом, князем, в любви и в ссылке быти хотим. И тебя в том похваляем, что ты, Фердинант, князь, в нашем царском величестве ищеш любви. И для вашего челобитья Сиона Люса и детей его, Аврама, и Исаака, и Матвея пожаловали, велели им приезжат в наши государства со всякими товары на караблех к морской пристани к Архангилскому городу и в государстве наше на Москву и торговати им поволити всякими товары поволоною торговлею. И нашу царскую жалованую грамоту велели им дати, что им приезжати в наши великие государства к Архангилской пристани и к Москве и назад отезжати поволно безо всякого задержанья и зацепки со всеми их людми и животы, и вперед наше царское величество по твоему прошению хотим к тебе Фердинанту, князю, любов свою показати и в ссылке с тобою быти хотим. И то вам и самим ведомо, что к нам к великому государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии самодержцу присылают все великие государи христьянские и мусулманские с великим прошеньем и с челобитием, чтоб мы великий государь приняли их к себе в любов и были с ними в ссылке и в дружбе. Писана в государства нашего дворе в царствующем граде Москве лета от создания мира 7110 г. (1601. — *Н. К.*) июня месяца 6.

Оригинал грамоты хранится в Государственном архиве г. Флоренции [Archivio di Stato di Firenze, Miscellanea Medicea, fasc. 102, ins. 9, № 1], опубликована [19, с. 141–142]. Грамота написана круглящимся полууставом, черными чернилами. Над верхней строчкой — царской интитуляцией — расположен растительный орнамент, в центре которого возвышается царская корона. Первое слово — «Божиею» — выписано вязью, золотом. Инвокация и титул царя написаны золотом до слова «самодержца» включительно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1842. Т. 2. 448 с.
- 2 *Александренко В. Н.* Посольский церемониал в XVIII веке и отношение к нему русских дипломатов // Варшавские университетские известия. 1894. № 8. С. 1–29.
- 3 *Антилогов Г. Н.* Новые документы о России конца XVI – начала XVII в. М.: Изд-во Московского ун-та, 1967. 540 с.
- 4 *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1896. Ч. II: Германия и Италия. VIII + 272 с.

- 5 *Бестужев-Рюмин К. Н.* Обзор событий от смерти царя Иоанна Васильевича до избрания на престол Михаила Федоровича Романова // Журнал Министерства народного просвещения. 1887. Июль. № 7. Ч. ССLII. С. 49–112.
- 6 *Богоявленский С. К.* Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М.: Языки славянской культуры, 2006. 605 с.
- 7 *Буганов В. И., Корецкий В. И., Станиславский А. Л.* «Повесть — како отомсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1974. Т. 28. С. 231–254.
- 8 *Державина О. А.* К истории создания «Летописной книги», приписываемой князю Катыреву-Ростовскому // Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина. М.: Изд-во МГПИ им. В. П. Потемкина, 1959. Т. 48. Вып. 5. С. 29–45.
- 9 *Дмитриева Р. П.* Проект серии монографических исследований — изданий памятников древнерусской литературы // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1955. Т. 11. С. 491–499.
- 10 *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М.: Мысль, 1986. 333 с.
- 11 *Зимин А. А.* Смерть царевича Димитрия и Борис Годунов // Вопросы истории. 1978. № 9. С. 92–111.
- 12 *Карданова Н. Б.* Грамота царя Алексея Михайловича и современный ей перевод на итальянский язык // Герменевтика древнерусской литературы. М.: Языки славянской культуры; Прогресс-традиция, 2004. Сб. 11. С. 828–868.
- 13 *Карданова Н. Б.* Дипломатические послания Петра Великого дожам Венецианской республики: тематика, жанр, стиль, эпистолярный этикет. М.: Индрик, 2013. 445 с.
- 14 *Карданова Н. Б.* Письма флорентийского купца Франческо Гваскони из Москвы от 25 июня 1696 г. и от 17 июля 1696 г. и неизвестный русский оригинал // Международная конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода» 25–30 апреля 2014 г., Салоники. Материалы международной научно-практической конференции: электронное издание. Салоники, 25/04/2014–30/04/ 2014. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова. Высшая школа перевода, 2014. С. 290–311.
- 15 *Кашитанов С. М.* Дипломатика как специальная историческая дисциплина // Вопросы истории. 1965. № 1. С. 39–44.
- 16 *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича / подгот. публ., вводн. ст., коммент. и словник Г. А. Леонтьевой. М.: РОССПЭН, 2000. 272 с.
- 17 *Крылова Т. К.* Россия и Венеция на рубеже XVII и XVIII веков // Ученые записки Ленинград педагогического института им. А. И. Герцена. Л., 1939. Т. 19. С. 43–82.
- 18 *Кукушкина М. В.* Семен Шаховской — автор повести о Смуте // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1974. М.: Наука, 1975. С. 75–78.
- 19 *Левицкий И. В.* Несколько документов XVI в. из Флорентийского государственного архива // Записки Императорского Русского археологического общества. Новая серия. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1894. Т. 7. Вып. 1–2. С. 111–146.
- 20 *Никонов В. А.* До фамилий // Антропонимика. М.: Наука, 1970. 360 с.
- 21 *Опись архива Посольского приказа 1626 г. М.: [б. и.], 1966. Ч. 1. 416 с.*
- 22 *Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб.: Тов-во паровой скоропечатни Яблонский и Перотт, 1890. Т. 1. 455 с.*

- 23 Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб.: Тип. II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1851–1871. Ч. 1: Сношения с государствами европейскими. СПб.: Тип. II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1851. Т. 1: Памятники дипломатических сношений с Римскою империею (С 1488 по 1594 год). 1620 стб. СПб.: Тип. II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1856. Т. 2: Памятники дипломатических сношений с Римскою империею (С 1594 по 1621 год). 1542 стб. СПб.: Тип. II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1856. Т. 4: Памятники дипломатических сношений с Римскою империею (С 1661 по 1674 год). 1436 стб. СПб.: Тип. II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1871. Т. 10: Памятники дипломатических сношений с папским двором и с италиянскими государствами (С 1580 по 1699 год). 1859 стб.
- 24 Письма и бумаги императора Петра Великого. М.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 9. Вып. I (январь-декабрь 1709 г.). 529 с. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 879 с. Т. 10. Вып. 1 (январь-декабрь 1710 г.).
- 25 Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1891. Т. 13. С. 145–176.
- 26 Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского по списку Императорской Публичной библиотеки Q 4. № 154 // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1891. Т. 13. С. 559–624.
- 27 Послания Ивана Грозного / подгот. текст Д. С. Лихачев и Я. С. Лурье; пер. и коммент. Я. С. Лурье. СПб.: Наука, 2005.
- 28 Россия и Запад: Горизонты взаимопознания. Литературные источники первой четверти XVIII века. М.: Наследие, 2000. Вып. 1. 496 с.
- 29 *Сальмон Л.* Личное имя в русском языке: Семиотика, прагматика перевода. М.: Индик, 2002. 159 с.
- 30 *Сергеев Ф. П.* Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1971. 219 с.
- 31 *Сергеев Ф.* Формирование русского дипломатического языка. Львов: Вища школа, 1978. 223 с.
- 32 *Серова И. Ю.* «Летописная книга» Катырева-Ростовского и «Троянская история» Гвидо де Колумны // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1989. Т. 42. С. 107–115.
- 33 *Скрынников Р. Г.* Борис Годунов. М.: Наука, 1978. 198 с.
- 34 *Толкачев М. В.* Европейское направление во внешней политике России в период правления Федора Иоанновича и Бориса Годунова: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2011. 20 с.
- 35 *Флоря Б. Н.* Торговля России со странами Западной Европы в Архангельске (конец XVI – начало XVII в. // Средние века. 1973. Вып. 36. С. 129–151.
- 36 *Форстен Г. В.* Акты и письма к истории балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1889. Вып. I. 341 с.
- 37 *Шалак М. Е.* Русская Смута и общественная мысль XVII века: суждения, оценки, концепции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2004. 24 с.

- 38 Шаркова И. С. Россия Италия: торговые отношения XV — первой четверти XVIII в. / под ред. члена-корреспондента АН СССР В. И. Рутенбурга. Л.: Наука, 1981. 210 с.
- 39 Шмурло Е. Отчет о двух командировках в Россию и за границу в 1892/3 и 1893/4 гг. // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. Юрьев: Тип. К. Матисена, 1894. № 3. Прилож. С. 3–269.
- 40 Шмурло Е. Отчет о заграничной командировке осенью 1897 г. // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. Юрьев: Тип. К. Матисена, 1897. № 1. Прилож. С. 1–80.
- 41 Шмурло Е. Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого — Recueil des documents relatifs au règne de l'Empereur Pierre le Grand / publié par E. Schmourlo, Prof. à l'Université Impériale de Youriev (Dorpat). Юрьев: Тип. К. Матисена, 1903. Т. 1: 1693–1700. XLV с. + 728 с. XLV.
- 42 Benacchio Berto R. L'allocutivo reverenziale di cortesia «vy» nella Russia di Pietro il Grande: uno studio sociolinguistico // Atti del colloquio «Lingue slave e lingue romanze: un confronto». Firenze, 25–26 gennaio 1985. Pisa: ETS Editrice, 1985. P. 61–78.
- 43 Benacchio R. Modalità allocutive pronominali nella società moscovita del sec. XVII. Università di Padova: Istituto di Filologia Slava, 1984. 55 p.
- 44 Caccamo D. Alberto Vimina in Ucraina e nelle «parti settentrionali»: diplomazia e cultura nel Seicento veneto // Europa Orientalis. 1986. № 5. P. 233–283.
- 45 Di Salvo M. Florence, Amsterdam, Moscow: an Italian Merchant in Peter the Great's Time // M. Di Salvo Italia, Russia e mondo slavo. Studi filologici e letterari / A cura di A. Alberti, M. C. Bragone, G. Brogi Bercoff, L. Rossi. Firenze: Firenze University Press, 2011. P. 137–144.
- 46 Hennings J. Russia and courtly Europe: ritual and the culture of diplomacy, 1648–1725. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 297 p.
- 47 Szeftel M. La monarchie absolue dans l'état Moscovite et l'Empire Russe (fin XVe siècle — 1905 // Szeftel M. Russian Institutions and Culture up to Peter the Great. London: Variorum Reprints, 1975. 374 p.

© 2021. Nataliya B. Kardanova
Genoa, Italy

**BORIS GODUNOV AS A DIPLOMAT:
A LETTER OF THE TSAR BORIS FEDOROVICH
TO THE GRAND DUKE OF TUSCANY FERDINAND I
IN THE CONTEXT OF DIPLOMATIC CORRESPONDENCE
OF RUSSIAN TSARS**

Abstract: The complex figure of Boris Godunov, receiving mixed assessments of contemporaries and descendants, is still attracting attention of researchers. The author aims to answer the question of how Boris Godunov is portrayed in diplomatic correspondence, in particular in his letter of 6 June 1601 in response to the Tuscan Duke Ferdinando Medici. The Duke's petition for assistance to one of his subjects, a

Tuscan merchant who wanted to trade in Russia, was rightly perceived in Moscow as a proposal to establish not only trade, but also diplomatic relations between the two states. That is why the communicative task of Godunov's response message is to convince the addressee of readiness for such a relationship; it determined the structure of his letter and selection of stylistic features. As the paper shows, Tsar Boris Fedorovich appears as a ruler who inherited the throne of the Rurik dynasty, yet realizes the peculiarity of his position, maintaining a high authority of Russian Czars and of the Moscow state, who is kind and polite with a foreign addressee and speaks to him in the language implying a system of ethical and ideological attitudes and social relationships of Russia of that time.

Keywords: Boris Godunov, Grand Duke of Tuscany, diplomatic letter.

Information about the author: Nataliya B. Kardanova — DSc in Philology, Associate Professor, University of Genoa, place of Saint Sabina, 2, 16124 Genoa, Italy. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2280-6000>. E-mail: natasha.kardanova@gmail.com

Received: August 18, 2020

Date of publication: September 28, 2021

For citation: Kardanova N. B. Boris Godunov as a diplomat: a letter of the tsar Boris Fedorovich to the Grand Duke of Tuscany Ferdinand I in the context of diplomatic correspondence of Russian tsars. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2021, vol. 61, pp. 64–91. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-64-91>

REFERENCES

- 1 *Akty istoricheskie, otnosiashchiesia k Rossii, izvlechennye iz inostrannykh arkhivov i bibliotek A. I. Turgenevym* [Historical acts related to Russia, extracted by A. I. Turgenev from foreign archives and libraries]. St. Petersburg, Tipografiia Eduarda Pratsa Publ., 1842. Vol. 2. 448 p. (In Russian)
- 2 Aleksandrenko V. N. Posol'skii tseremonial v XVIII veke i otnoshenie k nemu russkikh diplomatov [The ceremonial of the embassy in the 18th century and its perceptions by Russian diplomats]. *Varshavskie universitetskie izvestiia*, 1894, no 8, pp. 1–29. (In Russian)
- 3 Anpilogov G. N. *Novye dokumenty o Rossii kontsa XVI – nachala XVII v.* [New documents about Russia at the end of the 16th – beginning of the 17th century]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1967. 540 p. (In Russian)
- 4 Bantysh-Kamenskii N. N. *Obzor vneshnikh snoshenii Rossii (po 1800 god)* [Review of Russia's foreign Relations (before 1800)]. Moscow, Tipografiia E. Lissnera i Iu. Romana Publ., 1896. Part II: Germaniia i Italiia [Germany and Italy]. VIII + 272 p. (In Russian)
- 5 Bestuzhev-Riumin K. N. *Obzor sobytii ot smerti tsaria Ioanna Vasil'evicha do izbraniia na prestol Mikhaila Fedorovicha Romanova* [Review of events from the death of Tsar John Vasilyevich to the election of Mikhail Fedorovich Romanov to the throne]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, 1887, July, no 7, part CCLII, pp. 49–112. (In Russian)
- 6 Bogoiavlenskii S. K. *Moskovskii prikaznyi apparat i deloproizvodstvo XVI–XVII vekov* [Moscow stationery and office work of the 16th–17th centuries]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2006. 605 p. (In Russian)
- 7 Buganov V. I., Koretskii V. I., Stanislavskii A. L. “Povest' — kako otomsti” — pamiatnik rannei publitsistiki Smutnogo vremeni [“The Story — how to take

- revenge” — a monument of the early journalism of the Time of troubles]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, vol. 28, pp. 231–254. (In Russian)
- 8 Derzhavina O. A. K istorii sozdaniia “Letopisnoi knigi”, pripisyvaemoi kniazuiu Katyrevu-Rostovskomu [To create a “Chronicle books” attributed to Prince Katyrevo-Rostov]. *Uchenye zapiski Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo instituta im. V. P. Potemkina* [Proceedings of the Moscow city pedagogical Institute. V. P. Potemkin]. Moscow, Izdatel'stvo MGPI im. V. P. Potemkina Publ., 1959, vol. 48, issue 5, pp. 29–45. (In Russian)
- 9 Dmitrieva R. P. Proekt serii monograficheskikh issledovaniy — izdaniy pamiatnikov drevnerusskoi literatury [Project of a series of monographic research publications of monuments of ancient Russian literature]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Ancient Russian literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1955, vol. 11, pp. 491–499. (In Russian)
- 10 Zimin A. A. *V kanun groznykh potriasenii: Predposylki pervoi Krest'ianskoi voiny v Rossii* [On the eve of terrible upheavals: background of the first peasant war in Russia]. Moscow, Mysl' Publ., 1986. 333 p. (In Russian)
- 11 Zimin A. A. Smert' tsarevicha Dimitriia i Boris Godunov [The death of Tsarevich Dimitri and Boris Godunov]. *Voprosy istorii*, 1978, no 9, pp. 92–111. (In Russian)
- 12 Kardanova N. B. Gramota tsaria Alekseia Mikhailovicha i sovremennyi ei perevod na ital'ianskii iazyk [The Charter of Tsar Alexei Mikhailovich and its modern Italian language translation]. In: *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian literature]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury; Progress-traditsiia Publ., 2004, issue 11, pp. 828–868. (In Russian)
- 13 Kardanova N. B. *Diplomaticheskie poslaniia Petra Velikogo dozham Venetsianskoi respubliki: tematika, zhanr, stil', epistoliarnyi etiket* [The Diplomatic Doge of Peter the Great of the Republic of Venice: themes, genre, style, epistolary etiquette]. Moscow, Indrik Publ., 2013. 445 p. (In Russian)
- 14 Kardanova N. B. Pis'ma florentiiskogo kuptsa Franchesko Gvaskoni iz Moskvy ot 25 iunია 1696 g. i ot 17 iulїа 1696 g. i neizvestnyi russkii original [Letters of the Florentine merchant Francesco Gusconi from Moscow dated June 25, 1696 and July 17, 1696 and an unknown Russian original]. In: *Mezhdunarodnaia konferentsiia “Russkii iazyk i kul'tura v zerkale perevoda” 25–30 apreliа 2014 g., Saloniki. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: elektronnoe izdanie. Saloniki, 25/04/2014–30/04/2014* [International Conference “Russian language and Culture in the mirror of translation” April 25–30, 2014, Thessaloniki. Proceedings of the international scientific and practical conference: electronic edition. Thessaloniki, 25/04/2014–30/04/2014]. Moscow, Izdatel'stvo MGU im. M. V. Lomonosova Publ., Vysshaia shkola perevoda Publ., 2014, pp. 290–311. (In Russian)
- 15 Kashtanov S. M. Diplomatiika kak spetsial'naia istoricheskaiia distsiplina [Diplomacy as a special historical discipline]. *Voprosy istorii*, 1965, no 1, pp. 39–44. (In Russian)
- 16 Kotoshikhin G. K. *O Rossii v tsarstvovanie Alekseia Mikhailovicha* [Russia in the reign of Alexey Mikhailovich], preparation of the publication, introductory article, commentary and dictionary by G. A. Leont'eva. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000. 272 p. (In Russian)
- 17 Krylova T. K. Rossiia i Venetsiia na rubezhe XVII i XVIII vekov [Russia and Venice at the turn of the 17th and 18th centuries]. In: *Uchenye zapiski Leningrad*

- pedagogicheskogo instituta im. A. I. Gertsena* [Proceedings of A. I. Herzen Leningrad Pedagogical Institute]. Leningrad, 1939, vol. 19, pp. 43–82. (In Russian)
- 18 Kukushkina M. V. Semen Shakhovskoi — avtor povesti o Smute [Semyon Shakhovskoy — the author of a story about Time of troubles]. In: *Pamiatniki kul'tury. Nove otkrytiia. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiya. Ezhegodnik 1974* [Monuments of culture. New discoveries. Writing. Art. Archeology. Yearbook for 1974]. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 75–78. (In Russian)
- 19 Levitskii I. V. Neskol'ko dokumentov XVI v. iz Florentiiskogo gosudarstvennogo arkhiva [Several documents of the 16th century from the Florentine State Archive]. In: *Zapiski Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva. Novaia seriia* [Notes of the Imperial Russian Archaeological Society. A new series]. St. Petersburg, Tipografiia I. N. Skorokhodova Publ., 1894, vol. 7, issue 1–2, pp. 111–146. (In Russian)
- 20 Nikonov V. A. Do familii [Before surnames]. In: *Antroponimika* [Anthroponymy]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 360 p. (In Russian)
- 21 *Opis' arkhiva Posol'skogo prikaza 1626 g.* [Inventory of the archive of the Embassy order of 1626]. Moscow, 1966. Part 1. 416 p. (In Russian)
- 22 *Pamiatniki diplomaticheskikh i torgovykh snoshenii Moskovskoi Rusi s Persiei* [Monuments of diplomatic and trade relations between Moscow Russia and Persia]. St. Petersburg, Tovarishchestvo parovoi skoropechatni Iablonskii i Perott Publ., 1890. Vol. 1. 455 p. (In Russian)
- 23 *Pamiatniki diplomaticheskikh snoshenii Drevnei Rossii s derzhavami inostrannymi* [The monument of diplomatic relations of Ancient Russia with foreign powers]. St. Peterburg, Tipografiia II otdeleniia sobstvennoi E. I. V. kantseliarii Publ., 1851–1871. (In Russian)
- 24 *Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo* [Letters and papers of Peter the Great]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1950. Vol. 9. Issue I (ianvar'-dekabr' 1709 g.) [(January-December 1709)]. 529 p. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1956. 879 p. Vol. 10. Issue 1 (ianvar'-dekabr' 1710 g.) [(January–December 1710)]. (In Russian)
- 25 *Povest', kako voskhiti nepravdoiu na Moskve tsarskii prestol Boris Godunov* [The story of how Boris Godunov unjustly seized the tsar's throne in Moscow]. In: *Pamiatniki drevnei russkoi pis'mennosti, otnosiashchiesia k Smutnomu vremeni. Russkaia istoricheskaia biblioteka, izdavaemaia Arkheograficheskoiu komissieiu* [Monuments of Old Russian writing related to the Time of Troubles. The Russian Historical Library, published by the Archeographic Commission]. St. Peterburg, Tipografiia I. N. Skorokhodova Publ., 1891, vol. 13, pp. 145–176. (In Russian)
- 26 *Povest' kniazia Ivana Mikhailovicha Katyreva-Rostovskogo po spisku Imperatorskoi Publichnoi biblioteki Q 4. № 154* [The story of Prince Ivan Mikhailovich Katyrev-Rostov according to the list of the Imperial Public Library Q 4. No. 154]. In: *Pamiatniki drevnei russkoi pis'mennosti, otnosiashchiesia k Smutnomu vremeni. Russkaia istoricheskaia biblioteka, izdavaemaia Arkheograficheskoiu komissieiu* [Monuments of Old Russian writing related to the Time of Troubles. The Russian Historical Library, published by the Archeographic Commission]. St. Peterburg, Tipografiia I. N. Skorokhodova Publ., 1891, vol. 13, pp. 559–624. (In Russian)
- 27 *Poslaniia Ivana Groznogo* [The Epistles of Ivan the Terrible], preparation of the text by D. S. Likhachev i Ia. S. Lur'e; translation and commentary by Ia. S. Lur'e. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. (In Russian)

- 28 *Rossii i Zapad: Gorizonty vzaimopoznaniia. Literaturnye istochniki pervoi chetverti XVIII veka* [Russia and the West: horizons of mutual understanding. Literary sources of the first quarter of the 18th century]. Moscow, Nasledie Publ., 2000. Issue 1. 496 p. (In Russian)
- 29 Sal'mon L. *Lichnoe imia v russkom iazyke: Semiotika, pragmatika perevoda* [Personal name in Russian: semiotics, pragmatics of translation]. Moscow, Indrik Publ., 2002. 159 p. (In Russian)
- 30 Sergeev F. P. *Russkaia diplomaticheskaiia terminologiia XI–XVII vv.* [Russian diplomatic terminology of the 11–17th centuries]. Kishinev, Kartia Moldoveniaske Publ., 1971. 219 p. (In Russian)
- 31 Sergeev F. *Formirovanie russkogo diplomaticheskogo iazyka* [Formation of the Russian diplomatic language]. L'vov, Vishcha shkola Publ., 1978. 223 p. (In Russian)
- 32 Serova I. Iu. “Letopisnaia kniga” Katyreva-Rostovskogo i “Troianskaia istoriia” Gvido de Kolumny [Katyrev-Rostovsky's “Chronicle Book” and Guido de Columna's “Trojan History”]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1989, vol. 42, pp. 107–115. (In Russian)
- 33 Skrynnikov R. G. *Boris Godunov*. Moscow, Nauka Publ., 1978. 198 p. (In Russian)
- 34 Tolkachev M. V. *Evropeiskoe napravlenie vo vneshnei politike Rossii v period pravleniia Fedora Ioannovicha i Borisa Godunova* [The European direction in Russia's foreign policy during the reign of Fyodor Ioannovich and Boris Godunov: PhD thesis, summary]. Samara, 2011. 20 p. (In Russian)
- 35 Floria B. N. *Torgovlia Rossii so stranami Zapadnoi Evropy v Arkhangel'ske (konets XVI – nachalo XVII v.* [Trade of Russia with the countries of Western Europe in Arkhangel'sk (late 16th – early 17th century)]. *Srednie veka*, 1973, vol. 36, pp. 129–151. (In Russian)
- 36 Forsten G. V. *Akty i pis'ma k istorii baltiiskogo voprosa v XVI i XVII stoletiiakh* [Acts and letters on the history of the Baltic question in the 16th century and in the 17th centuries]. St. Peterburg, Tipografiia I. N. Skorokhodova Publ., 1889. Vol. I. 341 p. (In Russian)
- 37 Shalak M. E. *Russkaia Smuta i obshchestvennaia mysl' XVII veka: suzhdeniia, otsenki, kontseptsii* [Russian turmoil and social thought in the 17th century: judgments, assessments, concepts: PhD thesis, summary]. Rostov-na-Donu, 2004. 24 p. (In Russian)
- 38 Sharkova I. S. *Rossii Italiia: torgovyie otnosheniia XV – pervoi chetverti XVIII v.* [Russia Italy: trade relations of the 15th century-the first quarter of the 18th century], edited by corresponding member of the USSR Academy of Sciences V. I. Rutenburga. Leningrad, Nauka Publ., 1981. 210 p. (In Russian)
- 39 Shmurlo E. *Otchet o dvukh komandirovkakh v Rossiiu i za granitsu v 1892/3 i 1893/4 gg.* [Report on two business trips to Russia and abroad in 1892/3 and 1893/4]. In: *Uchenye zapiski Imperatorskogo Iur'evskogo universiteta* [Scientific notes of the Imperial Yuriev University]. Iur'ev, Tipografiia K. Matisena Publ., 1894, no 3, addition, pp. 3–269. (In Russian)
- 40 Shmurlo E. *Otchet o zagranichnoi komandirovke osen'iu 1897 g.* [Report on a business trip abroad in the autumn of 1897]. In: *Uchenye zapiski Imperatorskogo Iur'evskogo universiteta* [Proceedings of the Imperial Yuriev University]. Iur'ev, Tipografiia K. Matisena Publ., 1897, no 1, addition, pp. 1–80. (In Russian)

- 41 Shmurlo E. *Sbornik dokumentov, otnosiashchikhsia k istorii tsarstvovaniia imperatora Petra Velikogo* [Collection of documents related to the history of the reign of Emperor Peter the Great] — Recueil des documents relatifs au règne de l'Empereur Pierre le Grand, published by E. Schmourlo, Professor at the l'Université Impériale de Youriev (Dorpat). Iur'ev, Tipografii K. Matisena Publ., 1903. Vol. 1: 1693–1700. XLV p. + 728 p. XLV. (In Russian)
- 42 Benacchio Berto R. L'allocutivo reverenziale di cortesia “vu” nella Russia di Pietro il Grande: uno studio sociolinguistico [The polite reverential allocutive “vy” in Peter The Great's Russia: a sociolinguistic study]. *Atti del colloquio “Lingue slave e lingue romanze: un confront”*. Firenze, 25–26 gennaio 1985 [Proceedings of the colloquium “Slavic languages and Romance languages: a comparison”. Florence, 25–26 January 1985]. Pisa, ETS Editrice Publ., 1985, pp. 61–78. (In Italian)
- 43 Benacchio R. *Modalità allocutive pronominali nella società moscovita del sec. XVII* [Pronominal allocutive modes in the Muscovite Society of the sec. XVII]. Università di Padova, Istituto di Filologia Slava Publ., 1984. 55 p. (In Italian)
- 44 Caccamo D. Alberto Vimina in Ucraina e nelle “parti settentrionali”: diplomazia e cultura nel Seicento veneto [Alberto Vimina in Ukraine and in the “northern parts”: diplomacy and culture in the seventeenth century Veneto]. *Europa Orientalis*, 1986, no 5, pp. 233–283. (In Italian)
- 45 Di Salvo M. Florence, Amsterdam, Moscow: an Italian Merchant in Peter the Great's Time [Florence, Amsterdam, Moscow: an Italian Merchant in Peter The Great's time]. *Italia, Russia e mondo slavo. Studi filologici e letterari* [Italy, Russia and the Slavic world. Philological and literary studies], edited by A. Alberti, M. C. Bragone, G. Brogi Bercoff, L. Rossi. Firenze, Firenze University Press Publ., 2011, pp. 137–144. (In Italian)
- 46 Hennings J. *Russia and courtly Europe: ritual and the culture of diplomacy, 1648–1725*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2016. 297 p. (In English)
- 47 Szeftel M. La monarchie absolue dans l'état Moscovite et l'Empire Russe (fin XVe siècle — 1905) [Absolute monarchy in the Muscovite state and the Russian Empire (late fifteenth century — 1905)]. Szeftel M. *Russian Institutions and Culture up to Peter the Great*. London, Variorum Reprints Publ., 1975. 374 p. (In French)